

ПУТЬ К ОБРАЗУ — ВСЯ ЖИЗНЬ

Академический Малый театр СССР привез в Ленинград спектакль «Возвращение на круги своя» И. Друце. Роль Л. Н. Толстого исполняет в нем Герой Социалистического Труда, народный артист СССР И. Ильинский.

Сегодня он рассказывает о своих встречах с творчеством великого писателя, о работе над его образом в новом спектакле.

— Игорь Владимирович, было бы интересно узнать о ваших самых давних впечатлениях, связанных с Толстым.

— Знакомство это началось очень давно, в раннем детстве. Мне, пятилетнему мальчику, прочитали рассказ, вернее, басню в прозе «Старый дед и внучек» из «Первой русской книги для чтения», предназначенной детям. Если помните, это коротенькая история о том, как ребенок невольно пристыдил родителей за жестокое отношение к дряхлому деду. Она буквально пронзила меня, заставила первый раз задуматься о том, как важно внимание, уважение к человеку, особенно в его старости. Острота детского впечатления не угасала до сих пор.

В нашей семье существовало преклонение перед Толстым. Читали его книги, много говорили, спорили о нем. Моя мать увлеклась толстовскими идеями, особенно в области воспитания, и даже применяла их на деле. Я очень благодарен ей и считаю, что многим в своем характере обязан этому влиянию. И сам, будучи отцом, а потом и дедом, старался использовать лучшее из педагогического опыта моей матери.

Мы жили в Москве, недалеко от хамовнического дома

Льва Николаевича. Толстой иногда бывал в городе. Я не раз слышал, что родители собирались пойти, чтобы взглянуть на него — хотя бы издали. Кажется, так и не вышло. И сейчас сильно жалею об упущенной возможности — увидеть Толстого...

— При каких обстоятельствах произошла ваша первая творческая встреча с толстовским наследием?

— Любовь к Толстому прошла через всю мою сознательную жизнь. С годами она росла, крепла. Более того, творчество Толстого постепенно становилось для меня самым близким во всей русской литературе. Все сильнее привлекала его исполненная личность. Понятно, что я, как актер, давно мечтал о том, чтобы попробовать силы в исполнении произведений писателя. Но в театре много лет не доводилось встретиться с его образами. Долго не решался начать чтение Толстого с концертной эстрады. Считалось, что моему амплу больше соответствует ранний Чехов, Зошенко... А я думал о лучших страницах «Войны и мира» — встреча с дубом, поле Аустерлицы, свидание Наташи сумирающим князем Андреем. Решился, однако, начать с «Истории Карла Ивановича». Было это в начале 30-х годов. Помню страх перед первым выступлением и ощущение полного провала после концерта. И все же я не бросил этого дела, продолжал работать, искать.

— Большой успех принесло вам исполнение роли Акима в спектакле Малого театра «Власть тьмы»...

— Думаю, что в этой работе больше всего помогла мне вера в Толстого. Пока не пришло это абсолютное доверие автору, было очень сложно ра-

зобраться во всех тонкостях роли. А потом я начал понимать, что любая мелочь в ней, даже самые, казалось бы, незначительные словечки Акима, вроде его знаменитых «тае» и «значит», несут свою, очень важную смысловую нагрузку. Играя Акима, стал испытывать наслаждение от того, что мог высказать толстовскую мысль, говорить как бы от имени самого Толстого. Ведь не раз замечалось, как близки многие суждения Акима мировоззрению его великого создателя. Кстати, когда началась работа над образом писателя в спектакле «Возвращение на круги своя», постановщик Б. Равенских убеждал меня, что опыт исполнения роли Акима должен мне теперь очень пригодиться. Наверное, режиссер был прав, стараясь таким образом рассеять мои сомнения.

— Вы играет Акима более 20 лет. Изменилось ли в чем-нибудь ваше понимание роли?

— Да, премьера состоялась в 1956 году. Бывали и раньше в истории театра примеры такой длительной жизни актера в образе. Говорят, что некоторые крупные мастера, отточив роль до полного совершенства, позволяли себе подолгу ничего в ней не менять. Я, признаться, не верю этому. Не может артист быть одинаковым из вечера в вечер. Это противоречит самой природе театра. Невозможно происходит эволюция образа, существует момент импровизации — новой каждый раз. Не только Акима я играл так долго. С образом Аркашки Счастливецова из «Леса» я неразлучен более полувека. Но каждый год стараюсь играть тоньше и проще, чтобы сохранить непосредственность и свежесть чувства. Гибельно

для художника отстать от времени, остановиться на достигнутом. Надо всегда искать проявления подлинной жизни в характере, а не довольствоваться лишь копированием ее внешних примет.

— Расскажите, пожалуйста, как вы готовили роль Толстого?

— Судьба подарила мне великое творческое счастье. И здесь хочу от души поблагодарить режиссера Бориса Равенских и автора пьесы Иона Друце за их труд, помощь и большую веру в мои актерские и человеческие силы.

Конечно, в период работы над спектаклем я очень много читал — и самого Толстого, и воспоминания о нем. Бывал вместе с постановочной группой в Ясной Поляне и московских музеях, встречался со специалистами по изучению творчества Льва Николаевича. Слушал сохранившиеся записи его голоса, подолгу смотрел фотографии и старые киноленты, запечатлевшие облик Толстого. Я уже знал его жесты, интонации, манеру поведения, многие черты внешней характеристики и все же на репетициях чувствовал поначалу какую-то сковывающую неправду в каждом моем движении. Дело пошло успешнее, когда начал искать внутреннее самочувствие в каждом эпизоде и, главное, постарался проникнуть в мысль Толстого, жить с ней, сделать своей.

Хотел бы упомянуть еще об одной сложности. Я очень опасался, играя Толстого, впасть в назидательный, поучительный тон, как-то специально подчеркивать мудрость, значительность, величие его личности. Это, казалось мне, способно опозлить исполнение. Но полный отказ от этих красок мог повести к мельчанию,

снижению образа, искажению его смысла. Надо было отыскивать особые формы выражения и актерские приемы.

— Какие же мысли, чувства вашего героя оказались наиболее близкими для вас?

— Очень дорога мне мысль, определяющая в немалой степени драматизм центрального образа. Это толстовская мысль о том, что каждый человек, проповедующий высокие нравственные принципы, должен сам неукоснительно следовать им. Известно, какие мучительные противоречия испытывал Толстой, вынуждаемый обстоятельствами своей жизни к трудному моральному компромиссу. Глубокий внутренний конфликт был в числе причин его ухода из Ясной Поляны. Пьеса Друце показывает именно этот, последний период жизни писателя.

Понятны, близки мне в Толстом его чувственное мировосприятие, любовь к физическому труду, спорту, природе, к животным. Волнует сцена прощания с любимым конем Деллиром, трогают слова Льва Николаевича о том, как тяжело с возрастом приходилось ему отказываться от многих жизненных радостей.

Много труднее было воспринять некоторую суровую жесткость решений Толстого по отношению к близким, к семье. Это связано в спектакле с историей знаменитого завещания писателя, лишившего Софью Андреевну и детей наследственных прав на издание его сочинений.

Работу над ролью не считаю вполне законченной и буду по возможности ее продолжать.

Мой путь к образу Льва Николаевича Толстого был очень долгим. Может быть, на протяжении всей жизни. Но только теперь, мне кажется, я по-настоящему почувствовал, ощутил всем своим существом гигантскую личность величайшего художника, мыслителя, гуманиста.

Бесседу вел А. ВАРЛАМОВ

4 Бер. Ленинград, 1978, 9 сентября